

**ЛЕГИТИМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

Политические процессы современности отличаются многоуровневостью, динамичностью и сложностью. Часто глубинные причины тех или иных качественных трансформаций в политике оказываются недоступными взгляду простого наблюдателя, то есть смысл телеологических изменений остается понятен лишь самим субъектам политического проектирования, причем не только на глобальном, межгосударственном или общенациональном, но даже на региональном и местном уровне. Недальновидность такого подхода, связанная с недостаточным учетом мнения граждан, значительно снижает кредит доверия к внедряемым проектам и, следовательно, их легитимационный потенциал, что несет в перспективе угрозу амбивалентного и негативного восприятия происходящих преобразований общественным мнением.

Хотя политическое проектирование как относительно самостоятельное направление современной политологии еще только находится в стадии своего становления, его востребованность не вызывает сомнений. Предоставляя возможности для осуществления прикладного, направленного изменения политической реальности, оно со всей очевидностью нуждается как в теоретическом осмыслении, так и в практической актуализации. При этом необходимо понимать, что запросы на различные политические проекты могут формироваться не только субъектами, но и объектами проектирования. В роли таких объектов выступают определенные целевые аудитории: социальные группы в пределах муниципального образования, региона, государства или нескольких государств, — в зависимости от масштаба проекта.

Поскольку политическое проектирование — это процесс, не оторванный от реальности, а всегда ориентированный на практику, его субъекты могут не только

корректировать ход реализации проектов, но также в отдельных случаях менять их изначальные цели. Нередко это происходит из-за того, что на стадии разработки проекта не принималась во внимание возможная реакция объекта проектирования на предполагаемые изменения. Для того, чтобы политический проект имел наибольший легитимационный потенциал и реализовывался с максимальной эффективностью в течение продолжительного времени, необходимо учитывать факторы, влияющие на его легитимацию.

В современных обществах народная поддержка политических изменений базируется на синтезе двух феноменов – традиционного и модернизационного. Именно поэтому мы имеем возможность наблюдать на практике целый ряд примеров, когда легитимность институциональных изменений находится в зависимости от эффективности действия самих трансформируемых институтов, которая в государствах с переходным типом политического режима, как правило, оказывается значительно ниже, чем в тех, где существует устойчивая авторитарная система организации государственной власти с присущей ей тенденцией к уменьшению полиархичности и сохранению сильного единого центра принятия решений. По этой причине в государствах с авторитарным режимом политические проекты внешне представляются более разработанными и максимально соответствующими сложившимся, устоявшимся традициям. Такие проекты могут носить разные названия, например, стратегий или концепций государственного развития. Логика их внедрения в соответствии с принципом «сверху вниз» диаметрально противоположна технологии «мягкой силы», характерной для демократических обществ. Следует отметить, что в авторитарных государствах крупные политические проекты органически вписываются в подготовленную социальную среду как из-за приверженности граждан к традиционным, консервативным ценностям, так и благодаря профессиональному взаимодействию государственных структур с акторами медийного пространства. В таких государствах правила политической игры строго определены, а источники политического влияния вполне предсказуемы.

Более противоречивый потенциал для реализации крупных политических проектов несут в себе государства

с переходными режимами, в которых нет устоявшихся традиций как демократии, так и авторитаризма, а элементы политической системы не могут гармонично взаимодействовать друг с другом из-за разрыва со «старым» при еще не сформировавшемся «новом», то есть когда в условиях демонтажа прежних институтов сохраняется правовая неопределенность. Политический курс в таких государствах отчасти напоминает броуновское движение, поскольку компетенция каждой ветви власти не определена четкими рамками, а права и обязанности институтов, относящихся к разным ветвям, пересекаются, что является мощным конфликтогенным источником во внутренней политике, причем наиболее сильная напряженность чаще всего наблюдается в отношениях между президентом и кабинетом министров. В подобных случаях политическое проектирование находится в неразвитом состоянии и приобретает искаженный характер: институты не имеют возможности выполнять собственные функции в полном объеме, необходимые решения принимаются по большей части ситуативно и, кроме того, отсутствуют механизмы эффективного контроля за их исполнением, а сами проекты при этом сводятся большей частью к разработке сценариев и постановке «перфомансов», основной целью которых становится повышение уровня легитимности власти правящей элиты путем использования популистских методов.

Тем не менее, в целом легитимация государственных политических проектов имеет два уровня – институциональный и политико-культурный. Они имеют устойчивую корреляционную связь между собой при преобладающем влиянии институциональной составляющей, поскольку именно она способна продемонстрировать конкретные примеры изменений, выражающихся в нормативной плоскости, в то время как политическая культура изменяется достаточно медленно, а поддержка политических проектов гражданами во многом определяется уровнем их экономического благосостояния. Если говорить о демократии как о крупном государственном проекте, который осуществляется в условиях переходного режима, то неэффективность деятельности демократических институтов, проявляющаяся в сфере экономики, быстро приводит к утрате ими своей легитимности и возникновению в обществе стремлений к авторитаризму.

Поскольку для большинства государств с переходными режимами характерен смешанный тип политической культуры, на уровне общественного сознания ценности демократии, безусловно, присутствуют, однако неверие в возможность их реализации на практике нивелирует легитимность демократического проекта и приводит к отсутствию у граждан желания терпеть экономические лишения ради политических реформ.

Согласно представлениям Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера, такие ситуации приводят к формированию режимов гибридного типа, среди которых возможны следующие вариации:

— «опекунская демократия», когда режим пребывает под опекой старого государственного аппарата. Характерными его признаками являются: ведущая роль анклавов, многоступенчатые выборы, формирование парламента путем назначений, ограничение оппозиционной деятельности;

— «управляемая», или «манипулятивная демократия», возникающая при условии опережения процесса демократизации либерализацией, когда все политические ресурсы сосредоточиваются в одних руках;

— «псевдodemократия», которая предусматривает проведение формальных выборов и деятельность оппозиции, но при этом фактически правящая партия застрахована от отстранения от власти¹.

Таким образом, внедрение демократических изменений не гарантирует их устойчивости.

В отличие от юридического термина «легальность» понятие легитимности соотносится скорее с социокультурным феноменом. Оно употреблялось еще в начале XIX в. во Франции, где известный мастер политической интриги Ш.М. де Талейран-Перигор взывал народ к поддержке принципа легитимности власти монарха². В политологическом словаре оно закрепилось благодаря М. Веберу, который вывел данное понятие за рамки юридической науки и применил по отношению к политической практике³.

¹ Подробнее см.: *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. — Baltimore; London, 1986.

² См.: *Талейран Ш.-М.* Мемуары. — М., 1959. С. 110.

³ См.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. С. 647.

Впоследствии многие авторы возвращались к интерпретации представлений о легитимности в политологическом контексте. Так, С. Липсет связывал ее с эффективностью политической системы через оценку степени удовлетворенности функциями управления в зависимости от соответствия достигнутых результатов ожиданиям большинства членов общества и властных структур¹. П. Бурдьё воспринимал легитимность как негласное доверие². Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и Р. Далтон подчеркивали, что легитимной является такая власть, которая в силах внедрить собственные политические решения³. Ж.-Л. Шабо говорил, что легитимность выражается в волеизъявлении граждан и возможностях власти, но при этом, по его мнению, властная элита должна быть знающей и компетентной⁴.

А.В. Катасонов рассматривал легитимность в качестве специфического ресурса управления⁵. Ее становление соответствует сосуществованию стабильных институциональных структур, которые обеспечивают участие основных социальных акторов в воспроизводстве и интерпретации правил политической игры. Это становится возможным в результате комбинации следующих факторов: автономности и доступности центра, открытости элит, четкости коллективной идентичности.

В.Д. Полищук и А.М. Федорова разработали структурную модель легитимации систем политической власти. По их мнению, легитимность проявляется на онтологическом, идеологическом, структурном, личностном и внешнеполитическом уровнях. Онтологическая легитимность определяется как свойство человеческой природы, благодаря которому существующий порядок воспринимается людьми в качестве нормы бытия. Факторами объективной действительности при этом вы-

¹ См.: *Lipset S.M.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *Empirical Democratic Theory* / Eds.: Ch.F. Snudde, D.E. Neubauer. — Chicago, 1969. — P. 166.

² См.: *Бурдьё П.* Социология политики. — М., 1993. С. 208.

³ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. — М., 2002. С. 38.

⁴ См.: *Chabot J.-L.* Introduction a la politique. P., 1991. P. 57–71.

⁵ См.: *Катасонов А.В.* Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели М. Вебера // *Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология.* — 1998. — №1. — С. 34.

ступают особенности политической культуры, уровень ценностного консенсуса, ситуативная специфика общества и эффективность систем политического господства. Идеологическая легитимность выражается в достижении высокого уровня поддержки власти в условиях декларирования политической элитой своей приверженности определенным ценностям и целям общественного развития. В качестве идеологического фактора обычно выступает какая-либо социально-политическая доктрина, однако эту функцию также могут выполнять религия, вопрос национального единства, продолжительность стабильности функционирования властной элиты. Принято считать, что в этих случаях на протяжении относительно недолгого времени достаточно эффективны информационно-манипулятивные технологии. Структурный тип легитимности определяет существование четких правил игры, которые подчеркивают способность политической власти к конструированию веры граждан в моральность норм и значимость созданных на этой основе институтов. Личностная легитимность, которая в свое время была названа М. Вебером харизматической, может быть сформирована, по мнению авторов, значительно легче, поскольку идентификация с лидером осуществляется намного проще, чем с абстрактными доктринами и политическими структурами, которые выходят за рамки действительности. Внешнеполитическая легитимность подчеркивает влияние международных стандартов и ценностей на внутреннюю политику в государстве¹.

Если следовать логике У. Бека, то необходимо признать, что современные типы легитимации власти в равной мере тяготеют к культуре и рациональным основам – законности и оценке эффективности управления. Поэтому легитимность политического проекта не исчерпывается его юридической оформленностью, будучи связанной с моральными установками граждан, их представлениями и действиями. Объективный уровень легитимности определяют ценности, нормы, права, институты, процессы и действия самой политической системы².

¹ См.: *Полищук В.Д., Федорова А.М.* Легитимация политической власти в России: полемические заметки. – Саратов, 1999. С. 17–23.

² См.: *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. – М., 2000. С. 104.

Для анализа факторов, влияющих на легитимацию политических проектов, удобно использовать модель «воронки причинности», предложенную А. Кэмпбеллом и его соавторами¹. Ось воронки интерпретируется в ней как временное измерение. При этом переменные, определяющие степень легитимации, целесообразно рассматривать, как это предлагает А.Ю. Мельвиль, на следующих условных уровнях (от наиболее широкого макроуровня до максимально суженного микроуровня):

- внешняя международная среда;
- государство- и нациообразующие факторы (единая территория, единое государство, чувство национальной идентичности и т.п.);
- общий уровень социально-экономического развития и модернизации, «современности» общества;
- социально-классовые процессы и условия (степень социальной дифференциации и развития, взаимоотношения между классами и социальными группами);
- социокультурные и ценностные факторы, доминирующие в обществе культурно-политические ценности и ориентации;
- политические факторы и процессы (в том числе выбор политических стратегий и тактик);
- индивидуальные, личностные политико-психологические факторы (конкретные решения и действия ключевых политических акторов).

Соответственно, сужение фокуса анализа «воронки причинности», смещение с макро- на микроуровень предполагает постепенный переход от преимущественно структурного к преимущественно процедурному анализу².

Учет легитимационного потенциала политического проектирования представляется особенно важным применительно к государствам с переходными режимами, поскольку проекты, обладающие высоким уровнем общественной поддержки, могут быть успешно «использованы» правящими кругами в условиях кризисов, форми-

¹ См.: *Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D.* The American Voter. – New York, 1960. P. 24–26.

² См.: *Мельвиль А.Ю.* Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 55–56.

руя у граждан убеждение в правильности принимаемых решений. Однако период жизнеспособности подобных проектов ограничен: сложности, связанные с неэффективностью или невозможностью реализации, достаточно быстро приводят к их делегитимации. В то же время непродуманные, навязчивые технологии внедрения потенциально реализуемых проектов так же способны вызвать негативную реакцию со стороны общества, подорвать доверие к власти. К сожалению, политические элиты, увлекаясь «процессом игры», далеко не всегда понимают «деликатность» процесса легитимации и не могут найти необходимую степень соответствия реальной политики существующим общественным традициям и ожиданиям.

Используя теоретические разработки А.-Н. З. Дибирова, можно выделить внешние и внутренние признаки легитимности политических проектов. К первому типу признаков следует отнести долгосрочность пребывания непосредственных субъектов или инициаторов проектирования у власти, устойчивость экономических и социальных структур, бескризисное развитие страны на протяжении достаточно долгого времени, исполнение постановлений и решений органов власти на всей территории государства, признание на международной арене. Признаками второго типа являются стабильность во взаимодействии власти и общества, эффективность деятельности властных институтов, уровень их социальной поддержки, включенность граждан в политику¹.

Очевидно, что легитимность проектирования обусловливается на высшем уровне поддержкой большинством населения существующего политического режима, на региональном и местном уровнях — поддержкой конкретных должностных лиц и администраций. При этом, как полагал Д. Битем, она должна иметь следующие нормативные основы: функционирование власти по принятым в обществе правилам; оправдание этих правил посредством апелляции к вере, которую разделяют властвующие и подвластные, а также наличие доказательства согласия сторон в виде процедуры голосования².

¹ См.: Дибиров А.-Н.З. Теория политической легитимности: курс лекций. — М., 2007. С. 145–149.

² См.: Beetham D. The Legitimation of Power. — L., 1991. P. 64.

И.А. Кравец акцентирует внимание на трех разновидностях легитимации: статусной, процедурной и функциональной. Статусная легитимация основывается на утверждении Конституцией системы органов государственной власти, связанных единым источником — волей народа; процедурная — на определении способов формирования органов власти (выборы, назначения, конкурсы); функциональная — на оценке содержания деятельности государственных органов по критерию эффективности и способности выполнять социальные функции¹. Применительно к политическому проектированию в государствах с переходными режимами следует отметить, что в большинстве случаев оно обладает высокой статусной и процедурной, но низкой функциональной легитимностью.

В целом представляется возможным говорить о двух уровнях легитимации политических проектов: институциональном, включающем в себя структуру органов государственного управления и местного самоуправления, избирательную и партийную системы, и неинституциональном, на котором происходит ресоциализация политического режима и усвоение гражданами ценностей и правил политической игры. Таким образом, данная легитимация сама по себе выполняет несколько функций, среди которых следует выделить обеспечение со стороны общества согласия с политическим проектом, веры в него и доверия к нему (при этом вера больше связана с эмоциями, а доверие — с разумом, рассудком, знаниями), участие граждан в политическом проекте (если это будет признано необходимым), а также влияние субъектов проектирования на политические настроения в обществе (если проект имеет высокую степень легитимности, то даже непопулярные действия не всегда вызывают негативную реакцию в социуме).

Противоположным по отношению к легитимации выступает процесс делегитимации, которая выражается в падении или даже утрате общественного доверия к политическому проекту, разочаровании в его идеалах, ослаблении связи между субъектом (субъектами) и объектом (объектами) политического проектирования. У. Бек на-

¹ См.: Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. — СПб., 2004. С. 144–145.

зывает подобный кризис легитимности новым историческим явлением, связанным с высокой развитостью коммуникативных практик в современном обществе, когда различные социальные группы объединяются вокруг разных систем ценностей, что приводит к противоречиям между теми, кто подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду¹.

Факторы, определяющие верхнюю границу кризиса легитимности крупных проектов, выражаются в нарушении правил политической игры ее участниками, падении уровня жизни граждан, кризисе институтов власти. В условиях переходных режимов делегитимации могут способствовать и системные проблемы современной демократии, среди которых С. Хантингтон особо выделял «создание патовых ситуаций, неспособность принимать решения, тяготение к демагогии, господство своекорыстных экономических интересов»². В подобных случаях наиболее неблагоприятными последствиями могут стать попытки государственных переворотов и даже революционные потрясения.

По этой причине в структуре любого политического проекта должен быть максимально проработан такой элемент, как управление рисками. Данное понятие, привнесенное в язык политической науки из области экономики, обозначает одно из направлений кризис-менеджмента (crisis-management), или управления в условиях кризиса. В самом общем виде под кризисом принято понимать «переломный этап в функционировании любой системы, на котором она поддается как внешнему, так и внутреннему влиянию, что требует от нее качественно нового реагирования»³. При этом подчеркивается, что основным его признаком является угроза существованию самой системы. Кризисная ситуация — это всегда время неопределенности, сложности поиска управленческих альтернатив. Руководителям современных государств с переходными режимами знание о политическом проектировании предоставляет реальные возможности для принятия решений, направленных как на предотвращение, так и на преодоление кризисных явлений в обществе.

¹ См.: Бек У. Указ. соч. С. 34.

² Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М., 2003. С. 228.

³ Чернявский А.Д. Антикризисное управление. — Киев, 2000. С. 6.

С точки зрения Д. Хелда, политические решения могут стать легитимными в результате воздействия различных факторов: согласия людей под угрозой насилия, чувства социальной апатии, прагматизма современного общества или вследствие совпадения интересов субъекта и объекта властно-управленческих отношений¹. Существует понятие вынужденной легитимности, когда социум воспринимает политический проект как некую фатальную неизбежность, примерами которой могут служить решения доминирующей «партии власти», а также правящих кругов в условиях военной диктатуры или фактического единовластия (Индия во времена Дж. Неру и И. Ганди, Румыния при Н. Чаушеску и др.). Однако по отношению к более общим случаям под легитимностью политического проекта следует понимать добровольное согласие и следование определенным правилам поведения, соответствующим целям и задачам данного проекта, всех его участников, а также лиц, на которых он оказывает прямое или косвенное влияние. Иными словами, легитимность выражается в политической поддержке предполагаемых или уже осуществляемых изменений, имеющих как институциональный, так и неинституциональный характер.

Д. Фукс выделил три основных типа политической поддержки: экспрессивную, моральную и инструментальную. Экспрессивная поддержка основывается на самоидентификации личности с определенным политическим сообществом. На уровне государства как института она, в частности, может оцениваться по уровню готовности людей воевать за собственную страну, что, в свою очередь, выступает проявлением развитости национальной культуры, выраженной в соответствующем чувстве гордости. Моральная поддержка опирается на веру граждан в соответствие действий властей устоявшимся народным ценностям. Инструментальная поддержка базируется на оценке возможностей решения какой-либо социально значимой задачи в плане удовлетворения конкретных потребностей и интересов населения².

¹ См.: Хелд Д. Модели демократии. — 3-е изд. — М., 2014. С. 477–479.

² См.: Fuchs D. Trends politischer Unterst?tzung in der Bundesrepublik // Politische Kultur in Deutschland. Bilanz und Perspektiven der Forschung / Hrsg.: D. Berg-Schlosser, Jakob Schissler. — Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 18. — Opladen, 1987. S. 357–377.

Применительно к области политического проектирования экспрессивная поддержка необходима скорее для проектов, направленных на формирование и развитие национально-государственной идеи, способствующих повышению уровня лояльности народа к действиям власти, объединению и сплочению нации. Для обеспечения моральной поддержки в процедурную часть проектирования следует включить маркетинговое исследование, позволяющее выяснить, в какой мере цели и задачи проекта отвечают сложившейся в обществе системе ценностей, и в случае выявления расхождений внести в разработку соответствующие изменения. Инструментальная поддержка возникает и укрепляется уже в ходе осуществления проекта, когда становится очевидной его эффективность в плане достижения некоторых социально значимых результатов, связанных с реальными жизненными практиками (например, развитие экономики в стране, рост уровня жизни и т.п.).

Для подготовки грамотной стратегии реализации политического проекта, благодаря которой он будет получать адекватную поддержку со стороны граждан, необходимы исследования общественного мнения. При этом авторам проекта следует учитывать, что значительная часть сведений о его разработке, содержании и осуществлении будет «усваиваться» людьми через интерпретацию, представленную в СМИ. Поэтому серьезные политические проекты должны сопровождаться организованными на высоком профессиональном уровне стратегическими коммуникационными кампаниями, которые, в свою очередь, «должны обладать высокой степенью общественной легитимности, то есть восприниматься большинством адресатов информационного воздействия в качестве необходимых и обоснованных либо с позиций устоявшихся в обществе норм и традиций, либо с точки зрения очевидной неизбежности осуществления назревших социально-политических преобразований»¹. Подобные кампании не могут успешно разворачиваться без учета настроений и интересов массового социального субъекта, становящегося, как это справедливо подчеркивается в работах Р. Арона, Д. Белла, Х. Ортеги-и-Гассета

¹ Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение. — Тула, 2011. С. 79.

и ряда других крупных мыслителей последних десятилетий, главным «действующим лицом» современной политики¹.

Следовательно, сохранение и упрочение общественной поддержки и доверия по отношению к реализуемому проекту возможно лишь в условиях постоянного восстановления его соответствия системе ценностей основных социальных групп. При этом доверие, как отмечает П. Розанваллон, представляет собой своего рода «невидимый институт», выполняющий как минимум три функции: «Первая из них есть расширение легитимности: доверие сообщает процедурному атрибуту моральное измерение, делая его целостным в широком смысле слова, и содержательное измерение, ориентируя его на заботу об общем благе. Доверие обладает также и временным смыслом: оно подразумевает, что легитимность *простирается в будущее...* Наконец, доверие обеспечивает институциональную экономию, избавляет от необходимости применять всевозможные процедуры верификации и проверки»².

Проекты, пользующиеся общественным доверием и направленные на достижение и дальнейшее поддержание социально-политической стабильности, более жизнеспособны. Позитивный потенциал легитимации подобных проектов проявляется на этапе их реализации: у граждан формируется уверенность в том, что решения и действия властей носят рациональный и оптимальный характер. Если субъекты проектирования являются публичными и харизматичными политиками, то такие проекты, выдвигаемые в условиях необходимости выхода из кризиса, будут способствовать смягчению и постепенному преодолению существующих в обществе противоречий.

Следует, тем не менее, отметить, что далеко не все политические проекты носят созидательный характер. В целом ряде случаев некоторые из них преследуют от-

¹ См., напр.: Арон Р. Опиум интеллектуалов. — М., 2015; Белл Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. — М., 2007; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Беспорочная Испания. — М., 2008 и др.

² Розанваллон П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 4 (84). — URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2575>.

кровенно деструктивные цели: например, осуществление государственных переворотов, в том числе и путем использования технологий «цветных революций». Такие перевороты нередко приводят только к смене группировок, находящихся у власти, но при этом не решают насущных социально-политических проблем и даже могут сопровождаться дальнейшим усилением поляризации в обществе. Наличие поддержки со стороны отдельных, в том числе и достаточно влиятельных социальных групп позволяет говорить о достижении определенной степени легитимности подобных проектов, что, однако, было бы некорректно отождествлять с политической стабильностью.

Для успешной легитимации политический проект должен содержать в себе консенсус трех измерений: ценностного, процедурного и программного. Однако указанные аспекты в своей совокупности становятся очевидными только в ходе его осуществления. На стадии разработки и становления оценить легитимность проекта путем применения каких-либо критериев эффективности не представляется возможным, поскольку пока еще не проявились конкретные результаты его реализации. Поэтому такая оценка проводится исключительно на основе использования ценностных показателей, то есть на первый план выдвигается анализ соответствия целей и задач проекта тем или иным общественным интересам. Если же проект рассчитан на длительную перспективу, то в ходе его исполнения может проявляться так называемая «диффузная поддержка», когда граждане, не соглашаясь с отдельными социальными изменениями, в целом относятся к воплощаемым идеям положительно, с одобрением. В подобных ситуациях для правильного понимания реакции общества и внесения необходимых корректировок в стратегию реализации проекта потребуются дополнительные социологические исследования.

Представляется, что с точки зрения оценки эффективности своей легитимации политические проекты в целом должны обладать следующими характеристиками:

- адаптивностью, означающую способность адекватно реагировать на вызовы окружающей среды;
- комплексностью, то есть удачно «вписываться» в существующий общесоциальный контекст;

– автономностью, предполагающую возможность функционировать без усиленного контроля и вмешательства со стороны других политических игроков;

– когерентностью, последовательным внедрением.

При анализе факторов легитимации политических проектов целесообразно использовать теорию институциональных матриц, определяющих природу и характер развития различных обществ, – макросоциологическую концепцию, разработанную С.Г. Кирдиной. В рамках данной концепции под институциональной матрицей понимается «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической»; при этом «схематическое изображение институциональной матрицы как триединой социальной формы в виде треугольника – жесткой фигуры – обращает наше внимание на жесткость связи между базовыми институтами, их взаимообусловленность»¹.

С.Г. Кирдина выделяет два типа таких матриц, различающихся формами социальной интеграции в основных общественных сферах. Для X-матрицы характерны: в экономической сфере – институты редистрибутивной экономики, сущностью которых является обязательное опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию; в политической сфере – институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства; в идеологической сфере – доминирование идеи коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т. е. коммунитарная идеология. Основаниями Y-матрицы выступают: в экономической сфере – институты рыночной экономики; в политической сфере – федеративные начала государственного устройства, т. е. федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство; в идеологической сфере – доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над Мы, или индивидуалистская идеология, означающая примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответ-

¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. – 3-е изд., перераб. – СПб., 2014. С. 67.

ственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер. X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки, Y-матрица — в странах Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии¹.

Следует, однако, отметить, что любой политический проект осуществляется не только в определенной институциональной, но и в конкретной культурной среде, поэтому его легитимация должна рассматриваться с учетом корреляции по параметрам «институты — культура». В известной степени институциональной составляющей легитимации принадлежит определяющая роль по отношению к неинституциональной, социокультурной, обладающей менее динамичными характеристиками. Так, если формальные политические институты, действующие на основе законов, утрачивают свою эффективность, их функции переходят к институтам неформальным, которые, руководствуясь партикуляристскими нормами и правилами, используют манипулятивные механизмы, основанные на клиентельной зависимости. При этом политическая культура сама по себе не подвергается каким-либо радикальным изменениям.

Неинституциональный, социокультурный уровень легитимации более консервативен. Он включает в себя онтологический базис — систему категорий, создающих представление о политической реальности, и операционный опыт, отражающий поведенческие акты по отношению к политической сфере. На данном уровне представляется возможным выделить три типа легитимности политического проекта: когнитивный (знания о проекте), ценностно-мотивационный (оценка проекта сквозь призму личных и общественных интересов) и деятельностный (отношение к проекту, участие в нем). Анализ легитимности политического проекта на социокультурном уровне предполагает учет степени информированности людей, их отношения к готовящимся изменениям, готовности и желания или нежелания быть вовлеченными в процесс социальных преобразований.

В обществах с устоявшейся политической культурой традиционного или либерального типа и соответствующей

¹ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. — 3-е изд., перераб. — СПб., 2014. С. 71–72.

щей идеологией реализовать политические проекты, отвечающие уже сформированным ценностным основаниям, значительно легче, чем в социумах с преобладанием культуры смешанного типа, отличающихся идеологической неоднородностью и отсутствием стабильной системы ценностей. Тем не менее, опыт политики модернизации в целом ряде государств с переходными режимами достаточно убедительно показывает, что предпринимаемые изменения не должны принимать характер тотальной деструкции прошлого, иначе проект быстро утрачивает свою легитимность.

Более резкие подвижки в легитимации проекта на неинституциональном уровне могут произойти только в случае сильного обострения социальных противоречий, их трансформации в открытый деструктивно-конструктивный конфликт, в результате которого возникает новая упорядоченность связей в рамках политической системы, что обеспечивает ее переход в новое качественное состояние¹. При этом, однако, следует принять во внимание, что в государствах с неустоявшимся типом политической культуры усиливается деформация восприятия социальных противоречий и происходит деактуализация ценностей. Баланс между прошлым, настоящим и будущим нарушается, вследствие чего в социуме возникает множество иллюзий, на основе которых формируются проекты манипулятивного характера, обещающие ту или иную версию «светлого будущего», но не реализуемые на практике.

Политические проекты также имеют темпоральные и региональные особенности. В этой связи не представляется возможным предложить какой-либо универсальный подход к определению и оценке их легитимационного потенциала. Тем не менее, если в качестве субъекта проектирования выступает государство, то абсолютно уместно говорить как об институциональном, так и о неинституциональном уровнях легитимности политических проектов; если же речь идет о решении таких более узких задач, как продвижение кандидата в депутаты на выборах или конструирование новой политической партии, то в подобных ситуациях на первый план вы-

¹ См.: Лисовий В.С. Культура — идеология — политика. — Київ, 1997. С. 26.

двигается проблема обеспечения неинституциональной легитимации. При этом независимо от масштаба проекта его разработчики должны четко придерживаться строгой логики проектирования, в частности — обязательно учитывать необходимость управления рисками. Только при таком подходе может быть создан и успешно реализован политический проект, обладающий высоким легитимационным потенциалом.

Литература

Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор [Текст] / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. — М.: Аспект-Пресс, 2002. — 537 с.

Арон, Р. Опиум интеллектуалов [Текст] / Раймон Арон. — М.: АСТ, 2015. — 478 с.

Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 381 с.

Белл, Д. Эпоха разобщенности [Текст]: размышления о мире XXI века / Д. Белл, В. Иноземцев. — М.: Журнал «Свободная мысль»: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 303 с.

Бурдьё, П. Социология политики [Текст] / Пьер Бурдьё. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Текст] / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

Грачев, М.Н. Политика: коммуникационное измерение. [Текст] / М.Н. Грачев. — Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2011. — 172 с.

Дибиров, А.-Н. З. Теория политической легитимности [Текст]: курс лекций. / А.-Н. З. Дибиров. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 272 с.

Катасонов, А.В. Методологические аспекты проблемы легитимности политического господства в социологической модели М. Вебера [Текст] / А.В. Катасонов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 1998. — № 1. — С.34–49.

Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию [Текст] / С.Г. Кирдина. — 3-е изд., перераб. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 468 с.

Кравец, И.А. Российский конституционализм [Текст]: проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 675 с.

Мельвиль, А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов [Текст] / А.Ю. Мельвиль // Полис. Политические исследования. — 2002. — № 5. — С. 54–59.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. — 348 с.

Полищук, В.Д. Легитимация политической власти в России: полемические заметки [Текст] / В.Д. Полищук, А.М. Федорова. — Саратов: Издательский центр СГСЭУ, 1999. — 98 с.

Розанваллон, П. Контрдемократия: политика в эпоху недоверия [Электронный ресурс] / Пьер Розанваллон // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 4 (84). — Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2575>.

Талейран, Ш.-М. Мемуары [Текст] / Ш.-М. Талейран. — М.: Издательство института международных отношений, 1959. — 440 с.

Хантингтон, С. Третья волна: [Текст] Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.

Чернявский, А.Д. Антикризисное управление [Текст] / А.Д. Чернявский. — Киев: Межрегиональная академия управления персоналом (МАУП), 2000. — 204 с.

Beetham, D. The Legitimation of Power [Text] / D. Beetham. — London: Macmillan, 1991. — 267 p.

Campbell, A. The American Voter [Text] / A. Campbell, P. Converse, W. Miller, D. Stokes. — New York: John Wiley & Sons, Inc., 1960. — 573 p.

Chabot, J.-L. Introduction a la politique [Text] / J.-L. Chabot. — Paris: Presses Universitaires de France, 1991. — 224 p.

Fuchs, D. Trends politischer Unterst?tzung in der Bundesrepublik [Text] / Dieter Fuchs // Politische Kultur in Deutschland. Bilanz und Perspektiven der Forschung / Hrsg.: D. Berg-Schlosser, Jakob Schissler. — Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 18. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. S. 357–377.

Lipset, S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy / Seymour M.

Lipset // Empirical Democratic Theory / Eds.: Ch.F. Cnudde, D.E. Neubauer. – Chicago: Markham Publishing Company, 1969. – P. 151–192.

O'Donnell, G. Transitions from Authoritarian Rule [Text]: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. Schmitter. – Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1986. – 81 p.

Лісовий, В.С. Культура – ідеологія – політика / В.С. Лісовий. – Київ: Видавництво ім. О. Теліги, 1997. – 350 с.